

УДК 81

С. Георгиева¹, Ж.Н. Жунусова²

¹Пловдивский университет, Болгария;

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: zhanyl08@mail.ru)

Фразеологизмы как языковые корреляты национальной культуры: сопоставительный аспект

Анализ образной основы (внутренней формы) фразеологических единиц в системе фразеосемантических полей является важнейшим звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности. При сопоставительном изучении фразеологических систем двух и более языков следует уделять внимание семантическому и функциональному аспектам фразеологических единиц. При сравнении фразеологических корпусов даже близкородственных славянских языков, какими являются болгарский и русский, выявляются генетические связи, типологические схождения, а также национальное своеобразие образов. Системный подход, предлагаемый авторами статьи, в исследовании фразеологических единиц позволит решить конкретные задачи межъязыкового сопоставления: общность происхождения слов, формальные и содержательные особенности их компонентов, внутренние связи фразеологических единиц, обнаружение коммуникативной ценности фразеологических единиц в отношениях с лексическим и грамматическим уровнями и мн. др.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеосемантические поля, фразеологический корпус национального языка, лингвокультурная общность.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является исследование фразеологического фонда различных языков с точки зрения выявления общности и различий. Особое место занимает изучение семантики фразеологических оборотов, так как именно в ней мы наблюдаем этноязыковые особенности.

Как известно, фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре народа, в глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о ее истории, географии, климате, о душевном складе народа, об образе жизни в разные исторические периоды и т.д.

Известно, что слово и устойчивые сочетания не только являются носителями актуальной информации, они также аккумулируют национально обусловленную информацию. Так, в работах В.Н. Телия многоаспектно рассматривается проблема культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак и отражение национального менталитета во фразеологических единицах (ФЕ). Кроме того, фразеологические обороты, выполняя функцию коллективной культурной памяти, способствуют непрерывному пополнению и в то же время обнаруживают способность к актуализации одних аспектов ранее вложенной информации и полному либо частичному забыванию других аспектов той же информации.

Элементы культуры черпаются из денотации, лежащей в образной основе фразеологической единицы, а для ее описания «надо в основном расшифровать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова и словосочетания с категориями культуры, все осмысливать на языке культуры и, конечно, описывать культурный дискурс» [1; 31].

Национально-языковая картина мира отражается при их вербализации, тогда проявляется не только универсальное, но и специфическое в способах и средствах фразеологической концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины, особенно при сопоставлении разных языков [2; 9]. Фразеологизмы выступают как языковые корреляты элементов национальной культуры, в которых закреплены мировоззренческие, нравственные, эстетические ориентиры, вся атмосфера народного социума.

Анализ образной основы (внутренней формы) ФЕ в системе фразеосемантических полей является важнейшим звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности. При сопоставительном изучении фразеологических систем двух и более языков следует уделять внимание семантическому и функциональному аспектам ФЕ. При сравнении фразеологических корпусов даже близкородственных славянских языков, какими являются болгарский и русский, выявляются генетические связи, типологические схождения, а также национальное своеобразие образов.

Этнокультурную информацию можно увидеть и расшифровать при свертывании текста во фразеологическое словосочетание. Теоретической основой такого подхода является взгляд на ФЕ как на один из способов функционирования внеязыковых знаний [3; 89].

Фразеологическая теория разнородна в сопоставляемых языках. Большинство имеющихся концепций природы ФЕ в основе своей сводимы к двум точкам зрения: а) в качестве основного признака ФЕ считает воспроизводимость; б) утверждает, что воспроизводимость есть одно из следствий семантической трансформации словесного комплекса-прототипа [4; 17]. Проанализированный нами материал строится на положениях второй концепции. К ним добавим еще, во-первых, то, что категориальным свойством ФЕ является экспрессивность [5; 11], создающаяся, прежде всего, образностью, и, во-вторых, то, что процесс формирования ФЕ, основанный преимущественно на метафоризации, универсален и определяется общим характером человеческого мышления. Последнее и обеспечивает возможность сопоставления ФЕ разных языков [6].

Принципиально важным для понимания национальной специфики народной фразеологии, раскрытия ее неразрывной связи с национальной культурой является восстановление экстралингвистической ситуации, обусловившей возникновение фразеологического образа, выявление его исходной модели. В лингвистическом плане, по мнению В.М. Мокиенко, это означает реконструкцию исходного свободного сочетания с прямым значением компонентов [7; 33].

Большинство исследователей считает также, что процесс метафоризации зависит от конкретности исходного свободного словосочетания: «Чем конкретнее представление, отражаемое прямым значением словосочетания, тем сильнее противоречие между прямым и переносным значениями» [5; 162, 163].

Тесная связь ФЕ и их внутренних форм с различными областями жизни русского и болгарского народов становится очевидной при анализе фразеологических групп, отражающих их мотивировку [7; 34].

Наиболее употребительные слова в ФЕ — названия частей человеческого тела, животного и растительного мира, названия природы, продуктов питания, одежды, построек, собственных имен, профессий, цветов, времен года, месяцев и т.п. Анализ исследуемых групп показал национальное своеобразие устойчивых выражений.

ФЕ с названиями животных — отанималистическая фразеология — очень активный пласт ФЕ в различных языках. Наверное, потому, что «животные по своей природе ближе к человеку и больше втянуты им в мир своих преобразований, больше связаны с историческим развитием цивилизации» [3; 122]. Больше всего ФЕ в русском и болгарском языках с компонентом *собака*, что можно объяснить расширенным семантическим потенциалом данного слова, которое обросло «культурными коннотациями» (термин В.Н. Телия). У многих индоевропейских народов существовало отношение к ней, как к животному, наделенному божественной силой: «собака — символ смерти, ахтонических и лунных божеств, который олицетворяется триадой «земля — вода — воздух» [8; 114].

Таким образом, с одной стороны, с собакой связано доброе начало, и это нашло отражение в картине мира и языке славян: рус. *собачья верность, собачья преданность* (о верном, преданном человеке), *собаку съест* (об опытном человеке), *где собака зарыта* (установить суть дела); болг. *вярно куче, всяко куче на двора си лае* (знач. каждый должен быть на своем месте); *влача се като пребито куче* (знач. еле ноги волочить), а с другой стороны, собака — воплощение зла: рус. *собачья злоба* (об очень злобном человеке), *как собаку* (без всякой жалости), болг. *живея като куче*

(знач. плохо), *застрелвам като куче* (пристрелить как собаку). Семантика второго ряда ФЕ формируется с учетом того, что в «мифологической картине мира славян собака занимает крайне низкое положение и причисляется к нечистым существам, более того, в народном сознании она часто отождествляется с дьяволом» [3; 129].

Русские крестьяне вплоть до XX века не впускали собаку в избу, которую она якобы способна осквернить; нечистое тело похороненной собаки вызывало гнев земли и вело к бедствиям, поэтому собаку нельзя было хоронить. Соответственно, хоронили собак в укромных местах, найти которые было трудно. И отсюда пошел фразеологизм «где собака зарыта» в значении «раскрыть первопричину событий, причину бедствия». Собака — жертвенное животное (*вешать собак* в знач. порочить другого человека; *как собак нерезанных* — много); она архетип обмана, соотносится с загробным миром, в болгарской, русской и белорусской мифологии она умеет предсказывать будущее. Если, например, собака начнет выть волком, это знак того, что ее хозяин скоро умрет [3, 140; 9, 194].

Вторую группу по многочисленности в болгарском языке занимают ФЕ с компонентом *муха*. И если причиной многочисленных устойчивых выражений с компонентом *собака* мы постарались объяснить «культурными коннотациями» слова (как положительными, так и негативными), то слово «муха» не осложнено мифологическим переосмыслением в ФЕ. Например: болг. *броя мухите* — значит бездельничать; *бръмчи като муха* — назойливость; *да утрепе мухата, той утрепал бая се* — вместо ничтожного, он уничтожил главное; *избивам като мухи* — уничтожать легко; *като муха без глава* — действовать без разума, обычно с глаголами *мотая се, шляя се*; *лято без мухи не бива* — значит, нет худа без добра, розы без шипов и т.п. Все ФЕ данной группы обладают отрицательной коннотацией, за исключением выражения *кротък като мушица* — рус. *мухи не обидит*. Данный факт фразеобразований является иллюстрацией утверждения, что наиболее интенсивно и регулярно процессы метафоризации протекают в области предметной лексики [7; 34] и, с другой стороны, климатические условия Болгарии явились первопричиной создания прямых словосочетаний, которые впоследствии метафоризировались.

ФЕ с компонентом-названием растения. Растения как часть природы связаны с определенными географическими условиями, с климатом, поэтому и выражения, связанные с ними, глубоко национальны и являются атрибутом данной общности. Иллюстративный материал продемонстрировал преимущественное употребление одних растительных названий в русском языке (*береза*: рус. 4 - болг. нет; *сосна*: рус. 4 - болг. нет; *дуб*: рус. 5 - болг. 2; *ель*: рус. 5 - болг. нет; *яблоня*: рус. 8 - болг. 5), а других — в болгарском языке (*бук*: рус. нет - болг. 5; *вьрба*: рус. нет - болг. 18; *глог* (боярышник): рус. нет - болг. 3; *дрял* (кизил): рус. нет - болг. 15; *круша*: рус. 3 - болг. 27; *липа*: рус. 1 - болг. 5; *орех*: рус. 5 - болг. 13; *трън* (*терн*): рус. 5 - болг. 26; *череша*: рус. нет - болг. 6).

Национальное своеобразие ФЕ данной тематической группы проявляется в их лексическом составе. Многие конкретные образы, входящие в семантическую структуру идиом в качестве компонентов внутренней формы, «представляют собой национально-культурные переменные (ср. с конкретными образами, входящими в структуру национальных сказок, по наблюдениям В.Я. Проппа).

Анализ внутренней формы ФЕ в системе фразеосемантических полей является важнейшим звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности» [10; 62]. Так, например, болг. *босилек* (рус. базилик) — цветок, который народ считает символом охранительной и продуцирующей силы, широко представлен в поэтической традиции и в традициях болгар (*Миришиа на босилек* — т.е. стоять одной ногой в могиле); болг. *глог* (рус. боярышник) — растение, которое обладает необыкновенной магической силой в растительном мифологическом коде болгар. (*От трън, та на глог* — т.е. от плохого к худшему); болг. *дрял* (рус. кизил) — дерево, которое в болгарской мифологии является символом выносливости, здоровья, долголетия, его ветки гибкие и упругие, древесина прочная. Это дерево расцветает раньше всех, а плоды поспевают последними. *Кизил* присутствует во многих болгарских обрядах, из его веток делают «сурвачки» (разукрашенные ветки кизила, которыми ударяют по спине тех, кому желают добра) в Новый год (день Святого Василия), на почках кизила гадают под Новый год и др. Фразеологизмы с компонентом *кизил* встречаются только в болгарском языке (*Дрянови пръчки, Дряновицитеме викат, Остивям мечкати да варди дренките, От един дол дренки. Правя си устата като габровец за дрянова тояга* и др.).

Данная тематическая группа подтверждает пейоративный характер фразеологии. Многие растения связаны с обрядностью народов, но они слабо присутствуют во фразеологических выражениях либо вообще отсутствуют, особенно те, которых народ наделил сакральностью, например, *душистая герань, вьюн, ежевика, касатик, чемерица* и др. [11]. Этот факт, а также их положительная коннотация как-будто «оберегают» растения-тотемы от включения их в выражения с негативным смыслом (это особенно характерно для болгарского языка), а такие растения, как *круша, тыква, слива, коприва, боб, лук, проз, краставица* — активно присутствуют в болгарских фразеологизмах и встречаются только в выражениях с отрицательной коннотацией.

Иллюстративный материал показывает отрицательное, порой даже пренебрежительное отношение к определенным растениям, у которых нет ритуальных функций, связи с обрядностью, но которые очень активно присутствуют в быту людей. Данные компоненты ФЕ включаются в сложные семантические процессы и при формировании фразеологической семантики они оказались доминирующими. Большинство из этих выражений свидетельствует об их крестьянском происхождении. При сравнении устойчивых выражений русского и болгарского языков выявляется большая конкретность образной основы болгарских ФЕ (*Ими си крушка опашка*) и более абстрактный характер, обобщенность русских.

ФЕ с компонентом названий пищи. Пища всегда была и будет неотъемлемой частью быта. В рассматриваемых языках «национальная еда — это та часть внешнего Космоса, что переходит к нам внутрь и становится частью микрокосмоса. Еда — это посредник между внутренним и окружающим мирами» [12; 49].

Существование, уклад жизни, традиции каждого народа в большей степени зависят от географических условий, от особенностей природы, рельефа и климата. И все эти условия особому влияют на питание, а «питание древних славян, которые являлись народом земледельческим, состояло, в первую очередь, из растительной пищи, представляющей собой продукты земледелия (зерновые культуры, позже овощи) и собирательства (грибы, ягоды), во вторую очередь, из рыбных, молочных продуктов и в последнюю очередь — из мясных блюд» [9; 6].

Можно утверждать, что до наших дней эти традиции сохранились в кухне как русского, так и болгарского народов. По мнению И. Снегирева, пища у русских простая, грубая, сытная, соответствует их холодному климату [13; 227]. По мнению Г. Гачева, «даже черты лица у русских показывают больше сходства с травоядными, мирными животными» [12; 50].

В русских ФЕ встречаются лексемы *хлеб (зарабатывать свой хлеб* — т.е. добывать своим трудом средства для существования; *хлеб-соль есть* — т.е. быть близкими друзьями; *чужой хлеб горек* — т.е. тяжело жить на чужой счет; *хлеб насущный* и др.), *калач (тертый калач, калачом не выманишь и не заманить/кого, куда/ и др.), блин (первый блин комом, печь как блины, сияет как масляный блин и др.), щи (лаптем щи хлебать* — о чьей либо некультурности; *налить щей на ложку* — отомстить; *подогретые щи* — старые вести и др.), *пирог (вон какие пироги, казенный пирог* и др.), а из «растительных» компонентов встречаются ФЕ со словами *картошка, крапива, орехи, перец, репа* и др.

Болгарам больше по душе мучные изделия, а из растительной пищи они предпочитают бобовые, особенно фасоль и чечевицу, и лишь за ними следуют мясные блюда.

Собранный иллюстративный материал выявил преимущественное употребление лексемы *хлеб* во ФЕ русского (56) и болгарского языков (40), так как хлеб — наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия, осмысливается как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества. Требуется к себе особого почтительного и почти религиозного отношения, в быту и в обрядах часто объединяется с солью (*хлеб-соль*).

Как один из наиболее позитивно окрашенных символов «*хлеб* упоминается в сочетании с *Богом, землей, солнцем* и практически лишен негативных значений» [14; 384, 385] и негативных оценок во ФЕ обоих языков (*Вместе/ хлеб-соль есть с кем — деля /си/ хляба с някого* — быть близкими приятелями; *отбывать хлеб у кого — отнимаю някому хляба* и др.).

В русском фразеологическом фонде численно преобладают ФЕ с компонентом *каша* (33) (ср. в болг. — 5). Одно из главных и любимых блюд русских — каша (*Без каши обед короткий. Каша сама себе хвалит, Хороша кашка, да мала чашка*), она признак достатка, семейного согласия и благополучия (*Густая каша семьи не разгонит*). В народной поэтике значение «обычная, распространенная пища» передается парным словом: *щи-каша (Щи да каша — пища наша; Щи да каша — кормилицы наши* и др.). Каша — это и общественная, коллективная еда, котел с кашей объединял совме-

стно работающих людей: *Мы с ним в одной каше*. Она была непрременной участницей ритуальных обрядов на крестинах, на свадьбах, в важных коллективных работах, на поминках. Ее ритуальная обрядовость объясняется приношением каши в жертву языческим богам. Жертвенное значение каши связано с тем, что каша — древнейшее хлебное кушанье, которое первоначально готовилось из зерен злаковых растений [15; 128]. Во ФЕ отразились сведения, связанные с культурой конкретного народа: *чинить кашу* (в знач. «устраивать свадебный пир»), *заварить кашу*, *каши не сварить* (с кем-либо) и др.

В болгарском языке встречаются ФЕ с компонентом *баница* — национальное обрядовое блюдо (*Иска с баница да го молят* — т.е. хочет, чтобы его на коленях упрасивали; *Диря на работата лекото, на баницата мекото* — знач. выбирать работу полегче, а кусок послаще и др.); *боб*, *фасул*, *леца* (*Прост като фасул/боб*, *Прост като леца*), однако по численности преобладают выражения с лексемой *мед* (после ФЕ с компонентом *хлеб*). И это не случайно, так как в болгарской мифологии *мед* считается пищей богов, символом бессмертия, и он занимает важное место в ритуалах и обрядах народа. Медом и маслом мазали двери и порог молодой невесты, когда она входила в свой новый дом, откуда и пошло выражение: *Да ти върви по мед и масло* и др.

В целом, «фразеологизмы выполняют функции знаков «языка» культуры, они не только выражают, но и формируют культурное самосознание этносов», помогают раскрыть идиоэтническую специфику плана выражения ФЕ, своеобразие механизма их образного переосмысления, этим и объясняется значимость сопоставительных исследований данного пласта лексики двух языков [2; 10].

Фразеологический состав любого языка представляет собой не простую совокупность некоторого числа однотипных единиц, а «четкую организованную систему». Системный подход в исследовании ФЕ позволит решать конкретные задачи межъязыкового сопоставления: общность происхождения слов и соотнесенность их лексико-грамматических связей, формальные и содержательные особенности их компонентов, внутренние связи ФЕ, обнаружение коммуникативной ценности ФЕ в отношениях с лексическим и грамматическим уровнями и мн. др.

В дальнейшем «исследование возможностей ФЕ исходного языка должно строиться не только на изучении семантических, стилистических, грамматических, деривационных свойств ФЕ, но и коммуникативных» [16; 145].

Список литературы

- 1 Воробьев В.В., Василюк И.П., Потапушкин Н.А. Фразеология в аспекте лингвокультурологии // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования. — Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 1998. — С. 30–41.
- 2 Георгиева С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. — София: Херон Прес, 2011.
- 3 Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие, 1997. — 208 с.
- 4 Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значения // Филол. науки. — 1997. — № 5. — С. 43–54.
- 5 Мокиенко В.М. В глубь поговорки: книга для учащихся. — Киев: Рад. шк., 1989. — 220 с.
- 6 Альбрехт Ф.Б. Сербско-русские фразеологические эквиваленты и фразеосемантические соответствия // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. — Белград, 1998. — С. 284–289.
- 7 Проблемы фразеологической семантики / Под ред. проф. Г. А. Лилич. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. — 172 с.
- 8 Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов. — М.: Владос, 1996. — 416 с.
- 9 Лутовинова И.С. Слово о пище русских (к истории слов в русском языке). — СПб.: Азбука-классика, 1997. — 288 с.
- 10 Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в контексте языковой картины мира // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования. — Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 1998. — С. 61–64.
- 11 Българска митология / Съст. Анани Стойнев. — София: 7М + Логис, 1994. — 399 с.
- 12 Гачев Г. Национальные образы мира. — М.: Прогресс, 1995. — 480 с.
- 13 Снегирев И. Русские в своих пословицах. — Нижний Новгород: Русский купец, 1996. — 624 с.
- 14 Толстой С.М. Славянская мифология. — М.: Эллис Лак, 1995. — 416 с.
- 15 Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 175 с.
- 16 Жунусова Ж.Н. Категория глагольного времени в грамматикографии. — Астана, 2015.

С. Георгиева, Ж.Н. Жунусова

Фразеологизмдер – ұлттық мәдениеттің тілдік корреляттары: салыстырмалы тұрғы

Фразеосемантикалық аясы жүйесінде фразеологиялық бірліктердің бейнелі негіздерін әрбір лингвомәдениеттік тұтастықта ерекше (ішкі формасын) саралау әр түрлі әлемнің көрініс фрагменттерін қайта құруда өте маңызды бөлігі болып табылады. Екі және одан да көп тілдердің фразеологиялық жүйесін салыстырмалы түрде оқығанда фразеологиялық бірлестіктердің семантикалық және функционалдық аспектілеріне көңіл бөлу керек. Тіпті жақын туысқан славян тілдердің, мысалы, болгар және орыс тілдерінің фразеологиялық корпусын салыстырғанда генетикалық байланыстар, типологиялық ұқсастықтар және бейнелердің ұлттық ерекшеліктері айқындалады.

Кілт сөздер: фразеологиялық бірліктер, фразеосемантикалық өрістер, ұлттық тілдің фразеологиялық бөлімі, лингвомәдениеттік қоғамдастық.

S. Georgieva, Zh.N. Zhunusova

Idioms as linguistic correlates of national culture: comparative aspect

Analysis image base (the inner form) of phraseological units in the system of phraseosemantic fields is an essential element of the reconstruction of the various fragments of the world picture specific to particular linguistic and cultural community. A comparative study of the phraseological systems of two or more languages allows you to pay attention to semantic and functional aspects of phraseological units. When comparing the phraseological corpora of even closely related Slavic languages, like Bulgarian and Russian, reveals genetic relationships, a typological convergence and national identity images. A systematic approach, using by author by this article, to the study of phraseological units allows to solve specific problems of interlingual comparison: the common origin of words and the formal and substantive features of their components, the internal connections of the phraseological units, the detection values of the communicative phraseological units in the relationship with the lexical and grammatical levels and etc.

Keywords: phraseological units, phraseosemantic field, phraseological corpus of the national language, linguistic-cultural community.

References

- 1 Vorobiev V.V., Vasilyuk I. P., Potapushkin N.A. Phraseology in the aspect of cultural linguistics // *Phraseology in the aspect of science, education and culture*, Chelyabinsk: Publ. house CHPGU, 1998, p. 30–41.
- 2 Georgieva S. *Russkaja frazeologija v zerkale bolgarskogo jazyka*, Sofija: Heron Pres, 2011.
- 3 Maslova V.A. *Introduction to cultural linguistics*, Moscow: Naslediye, 1997, 208 p.
- 4 Solodub Yu.P. *Philological science*, 1997, 5, p. 43–54.
- 5 Mokienko V.M. *In the depths of sayings: A book for students*, Kiev: Radyanska shkola, 1989, 220 p.
- 6 Albrecht F.B. *Serbian-Russian phraseological equivalents and phraseosemantic correspondences* // Study of Slavic languages, literatures and cultures in non-Slavic environment, Belgrade, 1998, p. 284–289.
- 7 *Problems phraseological semantics* / Ed. prof. GA Lillich, Saint-Petersburg: Publ. house of SPb. Univ. Press, 1996, 172 p.
- 8 Makovsky M. M. *Comparative Dictionary mifological symbolism in the Indo-European languages. Images of the world and the worlds images*, Moscow: Vlastos, 1996, 416 p.
- 9 Lutovinova I.S. *Word on the Russian food (the history of words in Russian language)*, Saint-Petersburg: Azbuka-Classics, 1997, 288 p.
- 10 Melerovich A.M. *The semantic structure of phraseological units in the context of a language picture of the world* // *Phraseology in the aspect of science, culture and education*, Ufa: CHPGU, 1998, p. 61–64.
- 11 *Bulgarian mythology* / Red. Anani Stoynev, Sofia: 7M + Logis, 1994, 399 p.
- 12 Gachev G. *National images of the world*, Moscow: Progress, 1995, 480 p.
- 13 Snegirev I. *Russian in their proverbs*, Nizhny Novgorod: Russkiy kupets, 1996, 624 p.
- 14 Tolstoy S.M. *Slavic mythology*, Moscow: Ellis Lak, 1995, 416 p.
- 15 Vakurov V.N. *Basics stylistics of phraseological units*, Moscow: Publ. State Univ. Press, 1983, 175 p.
- 16 Zhunusova Zh.N. *The category of verb tense in grammar*, Astana, 2015.